

Эрнст Теодор Амадей Гофман

МАЛЕНЬКИЙ
ЦАХЕС,
ПО ПРОЗВАНИЮ
ЦИННОБЕР

*Иллюстрации
Ирины Семёновой*

На обложке — картина Ирины Семеновой «Кардинал», 1989 год.

 КУЧКОВО
ПОЛЕ

УДК 312.9
ББК 84
Г74

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ

Издание осуществлено по инициативе, на средства и при непосредственном участии семьи художника: мамы Тамары Петровны, сестры Екатерины, племянницы Варвары и брата Андрея. Семья Семеновых благодарит всех, принимавших участие в подготовке и реализации проекта. Особая благодарность Михаилу Волохову и Ольге Сухаревой.

Гофман, Эрнст Теодор Амадей

Г74 Маленький Цахес, по прозванию Циннобер / Пер. с нем. Марии Бекетовой, рисунки Ирины Семеновой. — М.: Кучково поле, 2019 — 128 с.: ил.

ISBN 978-5-9950-0952-8

Сказочная повесть немецкого писателя-романтика Э. Т. А. Гофмана была написана в 1819 году. Первый перевод в России сделала Мария Бекетова в 1897 году. Художник Ирина Семенова тонко прочувствовала специфику гофмановского «искусства придания повседневности оттенка необычности». В этом ключе таинственное совпадение и непреднамеренный выход книги к 200-летию со времени ее написания.

УДК 312.9
ББК 84

ISBN 978-5-9950-0952-8

© Ирина Семенова, графика, 2019
© Ханс Зивик, фото И. Семеновой, 1992
© ООО «Кучково поле», издание, 2019

ХУДОЖНИК И КНИГА

Книга становится драгоценным произведением искусства, если она дополнена иллюстрациями талантливого художника. Сказочную повесть-гротеск «Маленький Цахес по прозванию Циннобер» немецкого романтика Эрнста Теодора Амадея Гофмана (1776–1822) украсили графические работы пера Ирины Семеновой. Талант этого художника созвучен ироничному и, как у всех великих сказочников, поэтичному мировоззрению Гофмана. «Загадочный и многоликий», он любил искусство графики, то, которое рождено золотым пером на бумаге или резцом на серебристой поверхности металла. Особенно Гофман выделял близкого ему по духу гравера и рисовальщика XVII века Жака Калло, соединив его имя со своим в сборнике рассказов «Фантазии в манере Калло». Восхищался Гофман и ироничным, с оттенком печали, искусством Уильяма Хогарта.

Ирина Семенова, конечно, знала произведения этих тревожащих душу художников. Они сострадали «дну» общества — нищим, бродягам, обездоленным.

Это свойство души характерно и для нее, но был другой пластичный язык, символический и лиричный, как у мастеров объединения «Голубая роза».

«Бывают странные сближения», глубоко подметил А. С. Пушкин. Ирина имела тот же путь в искусстве, что и «черный алмаз» Обри Бердслей. Маститые художники-графики, Борис Ефимов и Михаил Верхоланцев, при первом знакомстве с ее трепетным искусством называют имя этого гениального художника эпохи модерна. Правда, узнала она о его жизни и творчестве, когда ею уже были созданы серии графических работ, близкие по пластике стилю модерна. Эти двое «родня по вдохновенью»...и Судьбе.

Искусство Ирины по-женски мягкое, лиричное и эмоциональное.

Ювелирная работа в течение длительного времени над одним графическим листом во многом обусловила ее стремление уйти от резких тональных переходов: черного и белого. Она добивалась нежных созвучий: серебристого мерцания, полутонов и валёров, характерных более для живописи, искусства импрессионистов, чем графики. И она этого достигла, это стало ее Высотой! Не случайно именно эту специфику ее искусства

Ирина Семенова. 1992 год

отметили научные сотрудники Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, назвав ее персональную выставку «Серебряная нить». Этой властительной нитью она соткала тончайшие кружева рисунков, где «образы изменчивых фантазий, бегущие, как в небе облака», рождены на белой плоскости листа в обратной или сферической перспективе. Так у буддистов художникам-кузнецам, работающим с серебром, приписывается божественное происхождение.

К сказке Гофмана Ирина Семенова создала удивительные образы героев: Фея Розеншён, Малыш Цахес, Бальтазар, Фабиан, прекрасные дамы и кавалеры, а также любимые Гофманом коты и другие существа предстают перед нами вереницей узнаваемых и одновременно зыбких образов. Их перевоплощения созвучны непостоянству и изменчивости внутреннего мира большинства героев. Как художник она тонко почувствовала специфику гофмановского «искусства придания повседневности оттенка необычности». В этом ключе таинственное совпадение: и непреднамеренный выход книги к 200-летию со времени ее написания (1819 г.).

Графические сокровения Ирины Семеновой пронесутся сновидением по страницам книги, в их легкости и воздушности, как и в запечатленных ею изящных бабочек — любимцах нашего писателя — заключена их драгоценная таинственная сила.

Елена Ржевская,
кандидат искусствоведения,
чл.-кор. РАХ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сказка «Маленький Цахес по прозвищу Циннобер» не заключает в себе ничего, кроме просто-го свободного развития шуточной идеи. Поэтому автор немало удивился, когда он напал на рецензию, в которой эта шутка, легко набросанная в веселую минуту, без всяких особых претензий, разбирается с серьезным и важным видом и с тщательным изысканием источников, из которых должен был черпать автор. Последнее было ему настолько приятно, что он извлек из этого пользу, разыскавши эти источники и обогатив свои знания. Во избежание дальнейших недоразумений издатель этих страниц объявляет, что «Принцесса Брамбилла» столь же мало, как и «Маленький Цахес», есть книга, пригодная для людей, которые любят все принимать в серьезном и важном смысле. Но того благосклонного читателя, который пожелает отложить на некоторое время серьезность и отдаться смелой и причудливой игре порой, быть может, и слишком дерзкого призрачного духа, автор покорнейше просит не терять из вида основы целого, т. е. фантастически карикатурных картинок Калло, и думать также о том, чего мог бы требовать музыкант от каприччио.

Автор осмеливается также напомнить об изречении Карло Гоцци (в предисловии к *Re de geni* — король духов), в силу которого целый арсенал нелепостей и чертовщины не может создать духа сказки, который заключается только в глубококом ее основании, в главной мысли, созданной каким-нибудь философским явлением жизни...

Берлин. Сентябрь, 1820

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Маленький уродец. — Великая опасность, грозившая пасторскому носу. —
О том, как князь Пафнутий вводил просвещение в своей стране, а фея
Розабельверде появилась в женском приюте.

Неподалеку от красивой деревни у самой дороги лежала, растянувшись на выжженной солнцем земле, бедная крестьянка, одетая в лохмотья. Измученная голодом, истомленная жаждой и совсем обессилев, несчастная упала под тяжестью корзины, туго набитой хворостом, который она с трудом набрала в лесу под деревьями и кустами, и, задыхаясь от усталости, думала о том, как бы хорошо было умереть, чтобы кончилось наконец ее безысходное горе. Но она сейчас же нашла в себе силы, чтобы развязать веревки, которыми держалась на ее спине корзина, и медленно спустить ее на копну сена, стоящую неподалеку. Тут она разразилась громкими жалобами:

— Неужели, — говорила она, — все беды должны валиться на нас с моим бедным мужем? Не мы ли одни во всей деревне, несмотря на всю нашу работу, на весь тот пот, который с нас льется, вечно терпим нужду и имеем не больше того, что нужно для утоления голода? Три года тому назад, вскапывая наш сад, муж нашел в земле золотой; мы думали, что нас наконец посетило счастье и теперь пойдут хорошие дни, но что же случилось? Деньги наши украли воры, дом и рига сгорели у нас над головами, хлеб наш побило градом и, чтобы уж переполнить меру наших несчастий, небо наказало нас еще этим маленьким уродцем, которого я родила на стыд и посмеяние целой деревни. В Лаврентиев день мальчишке исполнилось три с половиной года, а он не может стоять на своих паучьих ножонках, не ходит и урчит и мяучит, как кошка, вместо того чтобы говорить. Да притом еще бедный выродок ест, как какой-нибудь восьмилетний здоровый мальчик, и нисколько от этого не растет. Боже, сжался над ним и над нами! Ведь мы должны вырастить ребенка только себе на горе, потому что есть и пить будет этот мальчик-с-пальчик все больше и больше, а работать никогда в жизни не будет! Нет, нет, это выше человеческих сил! Ах, если бы я могла умереть, умереть!

Тут бедняжка начала рыдать и плакать так, что наконец, совсем обессиленная и подавленная горем, заснула в слезах.

Женщина эта имела право жаловаться на того гадкого мальчишку, которого она родила три с половиной года тому назад. То, что можно было с первого взгляда принять за странно обмотанную вязанку дров, был уродливый мальчик не больше двух пядей ростом, который выполз из корзинки, куда положила его мать, и, мурлыча, возился в траве. Голова его глубоко ушла в плечи, позвоночный столб составлял дугообразную линию, а под самой грудью висели у него худые, как прутья, ножки, так что он имел вид раздвоенной редьки. Лицо было трудно рассмотреть, но, внимательно вглядевшись, можно было заметить длинный острый нос, выглядывавший из-за всклокоченных черных волос, и сверкающие черные глазки, которые при совершенно старческих чертах лица придавали ему вид какого-то маленького колдуна.

И вот когда, как уже сказано выше, крестьянка крепко заснула, истомленная горем, а сынок ее барахтался возле нее в траве, шла мимо, возвращаясь с прогулки, девица фон Розеншён, надзирательница соседнего приюта.

Она остановилась и, будучи от природы набожна и сострадательна, была очень потрясена той картиной несчастья, которая представилась ее глазам.

— О, праведное небо, — сказала она, — сколько нужды и горя на этой земле! Несчастливая женщина! Я знаю, как тяжело ей живется. Она работает свыше сил и разбита горем и голодом! Как чувствую я теперь свою бедность и бессилие! Ах, если бы я могла помочь, как мне того хочется! Но то, что у меня еще есть, те немногие дары, которые не могла у меня отнять и похитить враждебная судьба и которые еще остались в моем распоряжении, я пушу в ход и воспользуюсь ими насколько возможно, чтобы помешать несчастью. Если бы я присоединила к этому деньги, они бы не помогли тебе, бедная женщина, и, может быть, даже ухудшили бы твоё положение. Тебе и твоему мужу не суждено быть богатыми, а кому не суждено богатство, у того золото пропадает из кармана непонятно для него самого, у того остается от него только большая досада, и чем больше исчезает у него денег, тем он становится беднее. Но я знаю, что больше бедности и больше всякого горя тяготит твоё сердце то, что ты родила маленького уродца, и это гнетет тебя тяжким бременем, которое ты должна нести всю свою жизнь. Большим, красивым, сильным, понятливым мальчик не может сделаться, но, может быть, ему можно помочь другим способом.

Тут барышня села на траву и взяла мальчика к себе на колени. Злой колдунчик стал брыкаться и упираться и хотел укусить ее за палец, но она сказала: «Тише, тише, маленький жук!» — и начала тихо и осторожно гладить его ладонью по голове ото лба до затылка. Всклоченные волосы мальчика понемногу расправились во время разглаживания и наконец завились от самого лба в прекрасные мягкие кудри, которые легли на его высокие плечи и круглую спину. Мальчик становился все спокойнее и наконец крепко заснул. Тогда девица фон Розеншён осторожно положила его на траву рядом с матерью, вспрыснула мать какой-то особенной водой из флакона, который вынула из кармана, и затем поспешно удалилась.

Вскоре после этого, когда крестьянка проснулась, она почувствовала себя необыкновенно бодрой и освеженной, точно будто она хорошо поела и выпила добрый глоток вина.

— Эх, — сказала она, — как я утешилась и развеселилась оттого, что немножко соснула! Но солнце уж скоро скроется за горы, пора и домой!

Тут она хотела подвязать корзину, но, взглянув в нее, не нашла мальчика, который в эту самую минуту выглянул из травы и жалобно запищал. Мать наклонилась над ним и, всплеснув от удивления руками, воскликнула:

— Цахес, маленький мой, кто это тебя так хорошо причесал? Ах, мой маленький Цахес, как шли бы к тебе кудри, если бы ты не был такой безобразный мальчик! Ну, поди сюда, поди в корзинку!

Она хотела взять его и положить поперек корзинки, но маленький Цахес затопал ногами, оскалил зубы и очень ясно промяукал:

— Я не могу!

— Цахес, — закричала мать вне себя от радости, — да кто же это выучил тебя говорить, пока я спала? Да если у тебя так хорошо причесаны волосы и ты так хорошо говоришь, так ты и бегать научишься!

Женщина взвалила корзину на спину, маленький Цахес повесился на ее передник, и они отправились в деревню.

Им пришлось проходить мимо дома священника, и случилось, что священник стоял у дверей дома со своим младшим сыном, прелестным золотокудым ребенком трех лет. Когда священник увидел женщину с тяжелой корзинкой и с маленьким Цахесом, который цеплялся за ее передник, он крикнул ей навстречу:

— Добрый вечер, фрау Лиза! Как поживаете? У вас ужасно тяжелая корзинка, вы едва идете. Пойдите сюда, отдохните немного на скамейке у моей двери, служанка принесет вам свежего питья.

Фрау Лиза не заставила повторять себе это два раза, она отвязала корзинку и только что хотела открыть рот, чтобы пожаловаться достойному господину на все свои горести и несчастья, как маленький Цахес потерял равновесие при быстром движении матери и полетел к ногам священника. Тот поспешно наклонился и поднял мальчика, говоря при этом:

— Ах, фрау Лиза, да какой же у вас хорошенький, милый мальчик! Это сущее благословение неба — иметь такого удивительно красивого ребенка.

Тут он взял мальчика на руки и начал его ласкать и, по-видимому, вовсе не заметил, что маленький уродец очень некрасиво рычал и визжал и даже хотел укунить за нос достойного господина. Но фрау Лиза стояла перед священником совершенно растерянная и смотрела на него неподвижными вытаращенными глазами, не зная, что думать.

— Ах, господин священник, — начала она наконец плаксивым голосом. — Как можете вы, служитель Божий, так смеяться над бедной женщиной, которую небо неизвестно за что наказало этим гадким подкидышем!

— Что за вздор говорите вы, моя милая, — возразил священник со страстью, — что такое вы толкуете про насмешку, подкидыша и наказание неба? Я вас совсем не понимаю и знаю только, что вы, должно быть, совсем поглупели, если вы не сердечно любите вашего красивого мальчика. Поцелуй меня, маленький человек!

Священник начал ласкать ребенка, но Цахес проворчал: «Я не могу!» — и снова потянулся к пасторскому носу.

— Ах ты, гадкий звереныш! — воскликнула испуганная Лиза, но в эту минуту сын священника сказал:

— Милый папа, ты такой добрый, так хорошо обращаешься с детьми, что они все должны тебя любить!

— Послушайте, — воскликнул священник, сверкая глазами от радости, — слушайте, фрау Лиза, что говорит ваш умный, красивый мальчик, ваш милый Цахес, к которому вы так несправедливы. Я уж вижу, что вы ничего не сумеете сделать из этого ребенка, будь он еще умней и красивее прежнего. Послушайте, фрау Лиза, отдайте мне на воспитание вашего мальчика. При вашей бедности ребенок вам только в тягость, а для меня настоящая радость воспитать его, как своего родного сына!

Лиза просто не могла опомниться от удивления и только и делала, что восклицала:

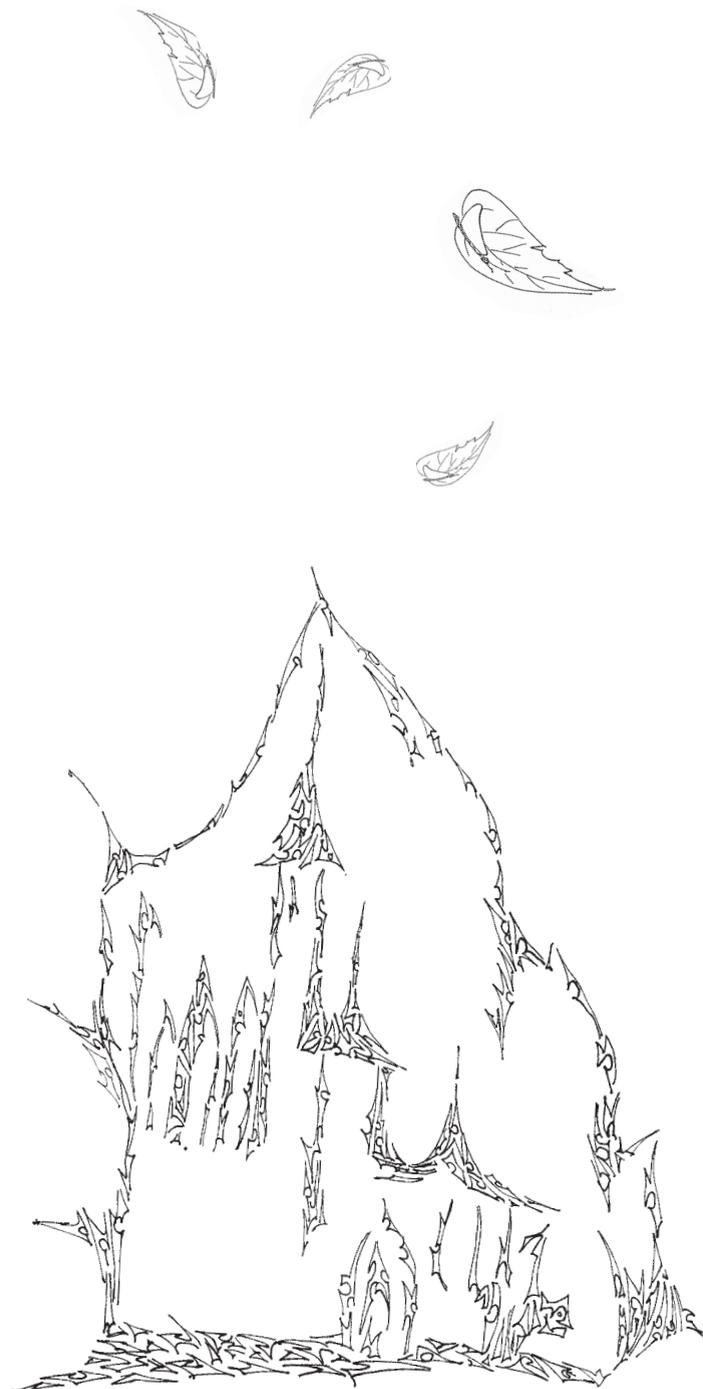
— Дорогой господин, дорогой пастор, неужели вы в самом деле хотите взять к себе моего маленького уродца и воспитать его и избавить меня от заботы, которые доставляет мне этот подкидыш?

Но чем больше говорила женщина об ужасном безобразии своего ребенка, тем горячее уверял пастор, что она в своем безумном заблуждении недостойна того, чтобы небо благословляло ее таким чудным даром, как этот удивительный мальчик, и наконец, совсем рассердившись, ушел с маленьким Цахесом на руках и запер дверь изнутри.

Фрау Лиза стояла, точно окаменев, перед дверью пастора и совершенно не знала, что думать обо всем этом происшествии. «И с чего это, — говорила она себе, — случилось с нашим достойным пастором, что он до того пленился моим маленьким Цахесом и считает этого глупого пузыря понятливым мальчиком? Дай Бог здоровья доброму господину, он снял с меня большую обузу и взвалил ее себе на плечи, посмотрим, как-то он ее понесет! Э, да как же легка стала корзина с хворостом, когда в ней нет больше Цахеса, а с ним — и самой большой заботы».

Тут фрау Лиза весело и легко отправилась в путь со своей корзинкой за плечами.

Если бы я и умолчал об этом до времени, то ты все-таки заподозрил бы, благосклонный читатель, что с надзирательницей приюта фон Розеншён, или, как называлась она прежде, фон Розенгрюншён, было, вероятно, какое-нибудь совсем особое приключение. Так как, конечно,

только благодаря ее таинственному разглаживанию и расчесыванию волос маленького Цахеса добродушный пастор принял его за красивого и умного мальчика и взял его себе в сыновья. Несмотря на всю твою проницательность, любезный читатель, ты мог бы сделать неверные заключения или же, к великому ущербу этого рассказа, пропустить несколько страниц только для того, чтобы побольше узнать про мистическую надзирательницу приюта; поэтому я лучше уж расскажу тебе сейчас же все, что знаю про эту достойную даму.

Девушка Розеншён была высокого роста, благородного и величавого сложения, с несколько гордой и повелительной осанкой. Ее лицо, которое можно было назвать вполне прекрасным, производило, однако, странное и почти неприятное впечатление, когда она смотрела перед собой своим обычным серьезным и неподвижным взглядом, что можно было приписать главным образом той совершенно особой и странной черте между глазами, присутствие которой на челе надзирательницы приюта казалось неподходящим. Но при всем том нередко в ее взгляде, особенно в прекрасную веселую пору цветения роз, было столько приятности, что всякий чувствовал на себе влияние сладкого и непобедимого очарования. Когда я имел удовольствие видеть в первый и единственный раз эту почтенную особу, она имела вид женщины в высшем расцвете сил, на высшей точке развития красоты, и я думал, что мне выпало великое счастье увидеть ее именно на этой высоте и даже испугаться ее удивительной красоты, которая не могла уже долго продержаться. Но я заблуждался. Деревенские старожилы утверждали, что они знали достопочтенную барышню с тех пор, как научились думать, и что она никогда не имела другого вида: не была ни моложе, ни старше, ни хуже, ни красивее, чем теперь. Итак, время, по-видимому, не имело на нее влияния, и это могло уже многим казаться странным. Но многое другое вело к тому, что всякий, кто даже старался не очень удивляться, в конце концов не мог прийти в себя от удивления. Во-первых, у этой девушки было ясно выраженное сходство с теми цветами, имя которых она носила, так как ни один человек на земле не умел выводить таких чудных центифольных роз, как она, причем они появлялись на самом дрянном и жестком терновнике, который она сажала в землю, и цветы распускались с величайшей роскошью и великолепием. Затем было несомненно, что во время одиноких прогулок в лесу она вела громкие разговоры с чудными голосами, раздававшимися точно будто из деревьев, кустов, ручьев и потоков.

Один молодой охотник подсмотрел даже раз, как она стояла в густой чаще и странные птицы с блестящими пестрыми перьями, каких не водилось в краю, порхали вокруг нее, ласкались к ней и точно будто рассказывали ей разные веселые вещи среди беззаботного пения и щебетания, а она смеялась и радовалась. Поэтому-то случилось, что, когда девица фон Розеншён явилась в приют, она вскоре обратила на себя всеобщее внимание. Она поступила в приют по приказанию князя. Барон Претекстатус фон Мондшейн, владетель поместья, поблизости от которого находился этот приют, коим он заведовал, ничего не мог сделать, несмотря на то что его мучили самые ужасные сомнения. Напрасны были его старания разыскать семейство Розенгрюншён в книге турниров Рикснера и других хрониках. На этом основании он справедливо сомневался в том, способна ли быть надзирательницей приюта девица, которая не могла представить генеалогического древа с тридцатью двумя предками, и попросил ее наконец, в совершенном расстройстве и со слезами на глазах, ради самого неба называться, по крайней мере, не Розенгрюншён, а Розеншён, так как в этом имени есть хоть какой-нибудь смысл и все же возможны предки. Она сделала это для его удовольствия.

Быть может, гнев оскорбленного Претекстатуса против лишенной предков девицы выражался разными способами и дал повод к тем дурным толкам, которые все больше и больше распространялись в деревне. К тем волшебным сношениям в лесу, которые все же ничего в себе не имели, присоединились разные подозрительные случаи, которые переходили из уст в уста и выставляли особу девицы Розеншён в очень сомнительном свете. Жена старосты, тетка Анна, смело уверяла, что, когда барышня сильно высунется из окна, во всей деревне киснет молоко. Но едва установили этот факт, как случилось нечто еще более страшное. Школьный учитель Микель стащил в приютской кухне жареный картофель и был застигнут при этом барышней, которая, смеясь, погрозила ему пальцем. Тогда у парня так раскрылся рот, точно будто в нем вечно сидела горячая жареная картофелина, и он должен был с этих пор носить шляпу с широкими спущенными полями, так как иначе бедняге капал бы в рот дождь. Вскоре оказалось несомненным, что барышня умеет заговаривать воду, нагонять бурю и тучи и взбивать гривы лошадям, и никто не сомневался в рассказе овечьего пастуха, который в полуночный час будто бы со страхом и ужасом видел, как барышня летела по воздуху верхом на помеле, а впереди ее летел огромный жук, между рогами которого высоко взвивалось голубое пламя!

назначенного для еды. Ковры и покрывала на мебель сделаны из такого материала, что при величайшей неловкости слуг невозможно сделать ни одной дыры, фарфор и стекло тоже не бьется даже в том случае, если слуги будут очень об этом стараться и бросать посуду на самые жесткие полы. И, наконец, всякий раз, когда у твоей жены будут стирать, на большом лугу за домом будет самая лучшая, веселая погода, даже если вокруг будет дождь, гром и молния. Словом, мой Бальтазар, я позаботился о том, чтобы ты спокойно и беззаботно наслаждался домашним счастьем вместе с твоей прелестной Кандидой. Но теперь мне пора возвращаться и вместе с другом Лотосом заняться приготовлениями к моему скорому отъезду. Прощай, Бальтазар!

Тут Проспер два раза свистнул свою стрекозу, которая сейчас же, жужжа, прилетела к нему. Он вскочил на нее и помчался. Но, уже улетаая, он вдруг остановился и вернулся к Бальтазару.

— Я чуть не забыл твоего друга Фабиана, — сказал он. — В припадке шаловливого настроения я слишком сурово наказал его за выходку. В этой табакерке заключается то, что его утешит.

Тут Проспер протянул Бальтазару маленькую гладкую черепаховую табакерку, которую тот положил в карман вместе с той лорнеткой, которую он получил от Проспера для разрушения чар Циннобера.

Проспер Альпанус понесся через кусты, причем голоса леса звучали сильнее и приятнее.

Бальтазар же вернулся в Керепес, полный блаженства, восторга и самых сладостных сердечных надежд.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О том, как Фабиана считали сектантом и бунтовщиком по причине его длинного сюртука. — Как Барзануф вышел из-за каминного экрана и остановил генерального директора естественных наук. — Бегство Циннобера из дома Моша Терпина. — Как Мош Терпин хотел сесть на большую птицу и сделаться королем, а потом лег в постель.

Ранним утром, когда дороги и улицы еще были пустынные, Бальтазар проскользнул в Керепес и сейчас же отправился к своему другу Фабиану. Когда он постучался в дверь, больной и слабый голос сказал: «Войдите!»

Бледный, расстроенный, с лицом, полным безнадежной скорби, лежал Фабиан на постели.

— Ради самого Бога, — воскликнул Бальтазар, — говори, друг, что с тобой случилось?

— Ах, друг, — заговорил Фабиан разбитым голосом, с трудом приподнимаясь на постели, — со мной плохо, совсем плохо! Проклятое колдовство, которым, я знаю, опутал меня мстительный Проспер Альпанус, влечет меня к гибели!

— Что я слышу! — сказал Бальтазар. — Волшебство, колдовство, ты прежде ведь в это не верил.

— Ах, — ответил Фабиан плаксивым голосом, — я теперь во все верю: в колдовство, в ведьм, духов земли и воды, в свекольного короля и в приворотный корень, — во все, что ты хочешь! Кому наступят на горло, как было со мной, тот легко сдается! Ты помнишь адский скандал, который вышел с моим сюртуком, когда мы шли от Проспера Альпануса? Если бы дело кончилось только этим!.. Ты посмотри, что у меня в комнате, Бальтазар!

Бальтазар осмотрелся и увидел на стенах бесчисленное множество фрагов, сюртуков, курток всевозможнейших покроев и всех цветов.

— Да ты не хочешь ли открыть магазин готового платья? — воскликнул он.

— Не смейся, не смейся, мой друг, — ответил Фабиан, — все это платье я заказал у лучших портных, все в надежде снять наконец то проклятие, которое тяготеет на моих сюртуках, но напрасно. Стоит мне побыть

несколько минут в прекраснейшем сюртуке, который сидит на мне, как вlepленный, как рукава мои заворачиваются на плечи, а полы вытягиваются и болтаются на шесть футов вниз. В отчаянии заказал я себе платье с бесконечно длинными рукавами а la Пьерро. «Заворачивайтесь сколько угодно, — подумал я, — выйдет то же на то же». Но в несколько минут случилось то же самое, что со всеми другими сюртуками! Все усилия, все искусство лучших портных не могли побороть проклятого волшебства! Само собой разумеется, что я был осмеян везде, где я только показывался. Но вскоре мое безвинное упорство, состоявшее в том, чтобы вечно являться в этих дьявольских сюртуках, привело к другим последствиям. Меньшее из зол было то, что женщины сочли меня безмерно тщеславным и безвкусным за то, что я, в противность всем обычаям, показывался с голыми руками, очевидно, считая их очень красивыми. Богословы ославили меня вскоре сектантом и только спорили о том, принадлежу ли я к секте рукавников или половников, но согласились на том, что обе секты очень опасны, так как обе признают полную свободу воли и дерзают думать все что хотят. Дипломаты сочли меня за гнусного бунтовщика. Они уверяют, что я хочу моими длинными полами возбудить в народе неудовольствие и возмутить его против правительства, сам же принадлежу к тайному обществу, которое избрало своим знаком короткий рукав. Давно уже появляются там и сям следы короткорукавников, которые так же опасны, как иезуиты, и даже опаснее, потому что они стараются вводить вредную для всякого государства поэзию и сомневаются в непогрешимости князя. Словом, дело стано-

вилось все хуже и хуже, и наконец меня вызвал ректор. Я знал заранее, что будет, если я надену сюртук, и потому явился в жилете. Ректор рассердился, подумал, что я хочу над ним посмеяться, и сказал, что через восемь дней я должен явиться перед ним в приличном и обыкновенном сюртуке, в противном же случае он без сожаления меня выключит. Сегодня истекает срок. О, я несчастный, о, проклятый Проспер Альпанус!

— Стой, друг Фабиан, — воскликнул Бальтазар, — не брани моего дорогого, милого дядю, который подарил мне имение. Против тебя он тоже ничего не имеет, хотя я должен сознаться, что он, пожалуй, слишком строго наказал тебя за упрек, который ты ему сделал. Но я принес тебе помощь. Он посылает тебе вот эту табакерку, которая должна прекратить все твои горести.

Тут Бальтазар вынул из кармана черепаховую табакерку, которую он получил от Проспера Альпануса, и передал ее неутешному другу.

— Чем же поможет мне эта глупая штука? — сказал Фабиан. — Какое влияние может оказать черепаховая табакерка на покрой моего платья?

— Этого я не знаю, — сказал Бальтазар, — но мой милый дядя не обманет меня, я имею к нему полное доверие, поэтому открой табакерку, мой милый; мы посмотрим, что там такое.

Фабиан исполнил эту просьбу, и из табакерки выскочил великолепный черный фрак из самого тонкого сукна. Фабиан и Бальтазар не могли сдержать громкого восклицания удивления.

— Да, я понимаю тебя, — воскликнул Бальтазар вне себя от восторга, — я понимаю тебя, мой Проспер, мой дражайший дядя! Этот фрак будет в пору и снимет все чары.

Фабиан без рассуждений надел фрак, и случилось действительно то, что подозревал Бальтазар. Прекрасное платье это сидело на Фабиане так, как никогда еще ни одно не сидело, а о заворачивании рукавов или выростании фалд не было никакого намека.

Вне себя от радости, Фабиан решил сейчас же бежать к ректору в своем новом сюртуке и уладить все дело.

Бальтазар подробно рассказал другу, как было дело с Проспером Альпанусом и как тот дал ему в руки средство положить конец вредным действиям уродливого карлика. Фабиан, который совершенно изменился с тех пор, как его оставил дух сомнения, хвалил выше всякой меры благородство Проспера Альпануса и обещал приложить руку в деле разрушения чар Циннобера. В эту минуту Бальтазар увидел в окно своего друга, референдаря Пульхера, которые с печальным видом заворачивал за угол дома.

По просьбе Бальтазара Фабиан высунул голову из окна, кивнул референдарии и закричал ему, чтобы тот приходил.

Едва тот вошел, как воскликнул:

— Что за чудный у тебя фрак, мой милый Фабиан!

Тот сказал ему, что ему все объяснит Бальтазар, и отправился к ректору.

Когда Бальтазар подробно рассказал референдарии все, что случилось, тот сказал ему:

— Теперь как раз время убить этого отвратительного карлика. Узнай, что сегодня он торжественно празднует свое обручение с Кандидой и что тщеславный Мош Терпин дает большой праздник, на который он пригласил самого князя. Во время этого праздника мы проникнем в дом профессора и нападём на карлика. Конечно, в зале будет достаточно огня для того, чтобы сейчас же сжечь вредоносные волосы.

О многом еще говорили друзья и о многом между собой условились к тому времени, когда вошел Фабиан, весь сияя от радости.

— Сила того платья, которое вышло из черепаховой табакерки, — сказал он, — выказалось блестящим образом; как только я вошел к ректору, он улыбнулся с довольным видом. «Ага, — сказал он мне, — я вижу, мой милый Фабиан, что вы оставили ваше странное заблуждение. Такие горячие головы, как вы, легко впадают в крайности! Я никогда не замечал в вас религиозной мечтательности, скорее ложно понятый патриотизм, склонность к необычайному, основанная на примере героев древности.

Да, это я понимаю, такое прекрасное, хорошо сидящее платье! Благо тому государству, благо всему миру, когда великодушные юноши носят такое платье с такими рукавами и фалдами. Оставайтесь верны этой добродетели, этому доброму духу, Фабиан, отсюда исходит истинное величие героев». Тут ректор меня обнял со слезами на глазах. Я сам не знаю, как случилось, что я протянул ему черепаховую табакерку, из которой явилось платье и которую я положил в карман. «Позвольте», — сказал ректор, сложив большой и указательный палец. Сам не зная, есть ли там табак, я раскрыл табакерку. Ректор запустил в нее пальцы, понюхал, схватил мою руку и крепко пожал ее; по лицу его струились слезы, он сказал в глубоком волнении. «Благородный юноша, какой прекрасный табак! Все забыто! Приходите ко мне сегодня обедать». Вы видите, друзья, что все мои горести кончены, и если вам удастся разрушить чары Циннобера, что, конечно, случится, то вы тоже будете счастливы.

В зале, освещенном сотней свечей, стоял маленький Циннобер в ярко-красном расшитом платье, в большом ордене Зеленого Тигра, прикрепленном двадцатью пуговицами, со шпагой на боку и со шляпой

с плюмажем под мышкой. Рядом с ним в венчальном наряде стояла прелестная Кандида во всем блеске молодости и красоты. Циннобер взял ее руку и время от времени прижимал ее к губам, причем очень противно визжал и улыбался. И каждый раз при этом щеки Кандиды вспыхивали ярче и она смотрела на карлика с выражением глубочайшей любви. На это было просто срамно смотреть, и только всеобщее ослепление, которое производили чары Циннобера, было причиной того, что никто не пришел в негодование при виде ужасного заблуждения Кандиды, не схватил за шиворот маленького уродца и не бросил его в топящийся камин.

Общество гостей составило круг в почтительном отдалении от жениха и невесты. Один только князь Барзануф стоял близко от Кандиды и старался бросать вокруг значительные и милостивые взгляды, на которые, однако, никто не обращал внимания. Все только и смотрели, что на молодую пару, и следили за губами Циннобера, который произносил время от времени несколько непонятных слов, за которыми каждый раз следовало тихое восклицание величайшего удивления, издаваемое всем обществом.

Жениху и невесте оставалось только обменяться кольцами. Мош Терпин вошел в круг гостей с подносом, на котором сверкали кольца. Он нагнулся, Циннобер поднялся на цыпочки как только мог выше и достал почти до локтя невесты. Все стояли в напряженном ожидании; вдруг послышались какие-то голоса, дверь в зал растворилась и ворвался Бальтазар, а с ним — Пульхер и Фабиан. Они протиснулись через круг.

— Что это такое? Чего хотят эти господа? — восклицают гости.

Князь Барзануф в ужасе кричит: «Вторжение, бунт!» — и прячется за каминный экран. Мош Терпин узнает Бальтазара, подошедшего близко к Цинноберу, и восклицает:

— Господин студент, вы с ума сошли! В уме ли вы? Как осмелились вы ворваться во время обручения? Эй, люди, гости, слуги, выбросьте за дверь этого грубияна!

Но Бальтазар, нимало не смущаясь, достал уже стекло Проспера Альпануса и пристально смотрит через него на голову Циннобера. Как бы сраженный электрическим ударом, Циннобер испускает пронзительный кошачий крик, раздающийся по всему залу, Кандида падает без чувств на стул, тесный круг гостей рассеивается. Перед глазами Бальтазара ясно обозначается огненно-красная прядь волос, он бросается к Цинноберу, хватая его, тот топает ногами, царапается и кусается.

— Держите его, держите! — восклицает Бальтазар.

Циннобер взял ее руку и время от времени прижимал ее к губам... ▷

ОГЛАВЛЕНИЕ

Художник и книга	5
Предисловие	7
Глава первая	9
Глава вторая	27
Глава третья	40
Глава четвертая	53
Глава пятая	61
Глава шестая	75
Глава седьмая	90
Глава восьмая	99
Глава девятая	110
Глава последняя	122

Эрнст Теодор Амадей Гофман
Маленький Цахес, по прозвищу Циннобер

Рисунки Ирины Семеновой

Художественное оформление и дизайн-макет
Анастасии Балашовой,
Светланы Вашенко, Виктории Забковой
Корректор Екатерина Клепова
Автор фотографий Ирины Семеновой —
немецкий фотограф Ханс Зивик

ООО «Кучково поле»
119071, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 10, оф. 420
Тел.: (495) 256 04 56; e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 15.11.2018.
Формат 205 x 260 мм. Усл. печ. л. 36,4.
Тираж 1000 экз.

ISBN 978-5-9950-0952-8

Книга отпечатана в SIA PNB Print

Заказ № 119755